

Сцены из жизни сапфиров

На сцене Театра оперетты показали балет про буквальный и символический блеск

ПРИМА-БАЛЕРИНА МАРИИНСКОГО ТЕАТРА ИРМА НИОРАДЗЕ УСТРОИЛА СВОЙ БЕНЕФИС В МОСКВЕ. В РАМКАХ ВЕЧЕРА БЫЛ ПОКАЗАН СПЕКТАКЛЬ «ИГРА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ».

ОДНОАКТНЫЙ БАЛЕТ ПОСВЯЩЕН ВЕЛИКОМУ ХОРЕОГРАФУ ДЖОРДЖУ БАЛАНЧИНУ.

Майя Крылова

Страсть к Баланчину давно овладела Ирмой Ниорадзе. Из обширного наследия хореографа она выбрала его балет «Драгоценности» — там мастер обыгрывает световую игру бриллиантов, рубинов и изумрудов. Ниорадзе заметила, что сапфиров в перечне нет. И к своему бенефису решила сделать балет про эти камни, навеянный танцами Баланчина. То есть на сцене у классика было красное, зеленое и серебристое. А у нас будет еще и синее.

К проекту Ниорадзе подошла серьезно. Нынешний опус — вторая ее попытка создать балет про Баланчина и в его честь. Смысл затеи сформулирован как попытка перенести баланчинскую эпоху в XXI век. Для этого решили скрестить классическую хореографию с эстрадным танцем. А

в начале спектакля бенефициантка ошарашивает публику черным с золотом вечерним платьем и меховым палантином. В спецодежде богачей она картинно прохаживается по сцене, заглядывая в витрину ювелирными украшениями. Посвященные в биографию Баланчина понимают: налицо отсылка к его личной жизни. Известно, что Мистер Би любил сам покупать драгоценности красивым женщинам и водил своих многочисленных жен к Картье и ван Клиффу. Вот только нарочитый шик он оставлял за бортом своих спектаклей.

Роль символического Баланчина (а может быть, вовсе и не его, а некоего обобщенного балетмейстерского гения) сыграл неувядающий Михаил Лавровский. Он превосходно вращался (словно молодой солист!), наглядно изображал процесс сочинения балета для некой балерины (роль Ниорадзе) и демонстрировал, как блеск драгоценностей вдохновляет творчество.

Принцип «классика плюс эстрада» вылился в приглашение двух хореографов — балетного «шестидесятника» Георгия Алексидзе и постановщика шоу Егора Дружинина. То, что они совместно соорудили, похоже на коктейль из компота с абсентом. По край-

Чтобы с гарантией не ударить в грязь лицом, костюмы и декорации заказали известному историку моды и художнику Александру Васильеву

значит, в музыке нужно и о старине напомнить, и наше время не забыть. За вечность был назначен отвечать композитор Феликс Мендельсон-Бартольди. Олицетворять современность — Дато Евгенидзе, автор музыки к кинофильму «9 рота». Он написал партитуру, в которой отчетливо слышен стук камней о твердую поверхность. Как будто сидит скужающий миллионер и от нечего делать швыряет алмазы горстями.

А чтоб совсем уже, с гарантией, не ударить в грязь лицом, на костюмы и декорации сосватали известного историка моды и художника из Парижа — Александра Васильева.

Эстет Васильев не поскупился на роскошные ткани, имитирующие блеск разных камней, больше всего — сапфиров. Цвета этого драгоценного минерала в костюмах переливаются и так и сяк, переходя в светлое или взрываясь сине-черным. Ирма Ниорадзе выходит на сцену в тунике оттенка тропического неба в сумерках, потом переодевается в бело-голубую с разводами балетную пачку. Но это будет во второй части балета, когда у балерины появится нужда в танцевальной одежде. А

ней мере именно такая ассоциация возникла во время просмотра. Господин Алексидзе поставил адажио и аллегро. В медленной части у него получилась пафосная смесь, похожая на отрывок из советского балета тридцатилетней давности (что-то среднее между «Лебединым озером» и «Спартак» Григоровича). В быстрой — подражание, скажем корректнее, стилизация под Баланчина. Господин Дружинин обошелся приемами шоу для девочек, одетых как для ужина в дорогом ресторане, и марионеточными движениями для мальчиков в клубных пиджаках. Некоторые па от Дружинина обозревателю «НГ» было трудно осмыслить и буквально, и иным путем. Тут нужен могучий аналитический ум. К примеру, что можно подумать в эпизоде, когда танцовщик Илья Кузнецов вылетел на сцену, птицей метнулся на настил, распластавшись на полу, словно медуза на суше, ожесточенно задрывал ногами и застучал руками, принося ухом к полу, словно желая что-то подслушать в подполье? Видимо, лирический герой балета может слышать и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье.

Высокий стиль Ирмы Ниорадзе.